

У такого молодого парня вряд ли может быть ребёнок...

«А может, есть?»

На вид ему было от силы лет двадцать с небольшим, ну, может, середина двадцатых. Если он старше — теоретически возможно.

Смешно, конечно: видел этого юношу всего пару раз, а теперь уже заиклился, разбирая по косточкам каждую мелочь. Но пока не прояснит — это чувство не отпустит. Всё равно ведь будет снова и снова думать, где его видел, кто тот ребёнок. Значит, лучше уж разобраться сразу и покончить с этим.

— Принёс, как вы велели.

Секретарь положил планшет на стол и вышел. Неожиданно прошедшие тридцать минут заставили губы Кан Ха Джуна криво дёрнуться.

Он уже собирался взять планшет, как зазвонил телефон. Увидев, кто звонит, Ха Джун ответил.

— Занят?

— Нет.

— Звонил ваш отец. Услышав, что мы откладываем помолвку, захотел встретиться.

Брови Кан Ха Джуна взлетели вверх. Его задело не слово «помолвка», а слово «отец».

Отец Хён Чжэ Хи — действующий прокурор, его собственный отец — политик. Старший Кан сильнее всего хотел, чтобы их семьи связались через брак детей.

Ему было плевать, что сам Ха Джун думает о Хён Чжэ Хи. Главное — поскорее поженить их и вымостить себе гладкую дорогу в политике. Но этому не бывать.

— Понял. Я сам поговорю с ним.

— Он сказал, чтобы мы пришли вместе. Когда сможем?

Всколыхнувшееся раздражение быстро сменилось холодным спокойствием. Ха Джун кончиками пальцев постучал по экрану планшета.

— Я сначала перезвоню...

Но фраза оборвалась: на экране высветилось фото, оставленное секретарём.

— Алло? Ха Джун-си? — позвала Хён Чжэ Ха.

Ха Джун его уже не слышал. Телефон он машинально опустил, а планшет поднял к лицу. Звонок оборвался, короткий сигнал исчез — и в ту же секунду из его груди вырвался тяжёлый, почти изумлённый смешок.

Снимок пробудил память, похороненную глубоко на дне. Воспоминания всплывали одно за другим, и вот уже перед ним целое озеро образовалось.

Там были и слова депутата Хан Чхоль Сына:

«Попробуйте поискать результат дел, что творил исполнительный директор. Ответ будет там».

— Так вот оно что?.. — прошептал Ха Джун, прикрывая лицо рукой. Между пальцев прорвалась улыбка. Теперь ясно, почему он не узнал его.

Он снова посмотрел на фото: избитый до полусмерти, измученный, полный отчаяния Сон Ын Юль. Но тот Ын Юль, которого он видел сейчас, — улыбался беззаботно и чисто.

— Так это был ты.

Он нажал кнопку интеркома:

— Поедем в «Су-и Хэджангук».

На лице отразилось предвкушение.

— Похоже, ты узнал меня. А если я скажу, что узнал тебя — как тогда поведёшь себя?

Он уже с нетерпением ждал этой встречи.

— Потерпи чуть-чуть. Я скоро приду.

В то время, как Кан Ха Джун направлялся к закусочной, Ын Юль, согнув пальцы, издал хищный звук:

— Подожди тихо.

Я сейчас приеду.

— Апельсинка! Давай съедим апельсинку.

— Кья-а! Папа, это я, Ха Ныль! Я не апельсин!

— Но ты такой круглый, как апельсин. Придётся съесть!

— Ха-ха-ха! Ну попробуй!

Ха Ныль, в оранжевой кофточке, носился по залу, уворачиваясь от «голодного папы».

— Вот шептуньи, — пробормотала Лим Бон Су и поднялась, размахивая половником. — Я ж сказала, по залу не бегать.

Кроме звона половника воздух разрежала лишь тёплая тишина «Су-и хэчангук».

Бабушка увела Ха Ныля умываться, а Ын Юль принялся убирать: протёр пол шваброй, столы горячей тряпкой, проверил соусницы и корзины с приборами.

— Может, заготовить продукты для бульона прямо сегодня? Тогда утром будет легче, и Ха Ныль можно будет подольше не будить.

Он вздохнул. Последнее время у сына сбился ритм сна. Надо бы свозить его в горы, как только представится возможность. И прогулка, и развлечение.

Он заканчивал протирать последний стол, когда дверь звякнула колокольчиком. Не оборачиваясь, Ын Юль сказал:

— Мы закрыты. Ни риса, ни похмельного супа не осталось. Приходите завтра с утра...

В ответ — тишина.

Знакомое ощущение дежавю заставило его поднять голову.

«И раньше так было...»

И действительно — именно так они впервые столкнулись.

На пороге стоял Кан Ха Джун. Ын Юль уже открыл рот, чтобы спросить, зачем тот опять пришёл, но, встретив его взгляд, слова застряли.

У Ха Джуна было обычное, бесстрастное лицо. И всё же — что-то изменилось.

«Что это?»

Он не мог понять, что именно, и продолжал смотреть, пока Ха Джун приближался всё ближе.

— Если хотите есть, садитесь за стол, зачем прямо ко мне... — слова осели в горле, когда мужчина подошёл почти вплотную.

Отшатнувшись, Ын Юль увидел его лицо слишком близко. Он в замешательстве пробормотал:

— Зачем вы так? Из-за того, что я сказал, что еды нет? Я ведь не вру. В тот раз бабушки не было, вот и не смогли накормить, а сегодня и вправду риса нет.

— Глупый, как всегда.

— ...

«Как всегда?»

С кем это он сравнивает? Или... нет. Что-то внутри кольнуло, и тревога не отпускала.

— Простите, вы не могли бы отойти? Мы ведь не обязаны стоять так близко.

— Причина нужна?

Ха Джун не улыбался, но голос его прозвучал с едва заметной усмешкой.

«Он узнал меня?»

Если он догадался, что я тот самый Сон Ын Юль... тогда всё становилось понятным.

Пока Ын Юль молча глотал слюну, Ха Джун тихо усмехнулся и отвернулся:

— Дай поесть.

Ын Юль выдохнул, но тут же вспыхнул. Наглость поражала. И ведь на «ты» он начал говорить с того самого банкета в саду, когда я попросил денег... Но это не повод!

— Вы заказ оформили?

— Я голоден.

— Это же ресторан, а не бесплатная столовая. Всё продано.

— Я целый день не ел.

— Тут вокруг полно закусовых, доставка есть. Зачем именно сюда?

В голосе Ын Юля прозвучало раздражение. Сначала требование казалось смешным, но услышав про «целый день без еды», он рассердился. Разве можно так не заботиться о себе, имея прошлое, как у него?

— Дел было много... и аппетита не было.

— От ваших слов еда не появится, — Ын Юль осёкся, заметив, как голос его повышается.

«Ладно. Лучше уж накормить и избавиться».

Он ушёл на кухню. Грохот посуды показал, что настроение у него далеко не доброе. Ха Джун невольно усмехнулся.

— Сон Ын Юль так изменился.

Раньше он казался хитрой лисицей, когда соблазнял, жёстким, когда мучил других, и мрачным, когда всё потерял.

А теперь — он ворчит, сердится, тяжело дышит, но никакой тьмы в нём нет.

Изначально Ха Джун собирался сразу сказать, что узнал его, и посмотреть на реакцию. Но, увидев, что Ын Юль сам делает вид, будто не помнит, решил немного понаблюдать.

— Наверное, у него в словаре нет слова «тактичность». А ещё смеет на «ты» говорить! Что, гордиться старшеством?

Слова, брошенные ему в спину, заставили Ха Джуну впервые открыто улыбнуться.

Едва прошло и десять минут после того, как он зашел на кухню, как Ын Юль вернулся с подносом, поставил миску с лапшой и тарелочку с кимчи. Судя по тому, что он сам с грохотом плюхнулся напротив, как в прошлый раз убежать на кухню он не собирался. Видимо, решил, что если Хан Джун его не узнал, то можно спокойно сидеть. Та простодушная мысль была настолько очевидна, что самому стало смешно — не понять этого казалось нелепым. Усмешку он прикрыл рукой. Если подумать, то именно то, что Хан Джун сперва его не узнал, и ослабило бдительность. Так что нынешняя ситуация его вполне устраивала.

— Рис есть, но я не прячу его, правда, просто всё закончилось. Так что я на скорую руку сварил рамен, поешьте это и уходите. Денег не надо.

— Почему просто так?

— Если возьму деньги — это уже будет товар, а вдруг вам понравится и вы решите в следующий раз снова прийти и купить. Вот я и заранее отказываюсь.

Это был твёрдый отказ: в следующий раз он уже ничего давать не собирался.

Хан Джун перевёл взгляд на еду перед собой. От рамена поднимался острый, насыщенный запах. В тарелке была не просто лапша, а с зелёным луком, проростками сои и яйцом — выглядело аппетитно.

— Ну что вы ждёте? Лапша же разбухнет, — поторопил Ын Юль.

Хан Джун взял палочки, поднял лапшу, посмотрел, как поднимается пар, и втянул её в рот. Обжигаяще горячо, но с выдохом жар уходил, и уже можно было спокойно жевать. Это был совсем не тот вкус, к которому он привык. Остро, но освежающе, с хрустом проростков между лапшой — отличная текстура.

Положив палочки, он зачерпнул бульон ложкой. Вкус подсказал, что здесь есть ещё какие-то ингредиенты. Послевкусие было такое чистое и лёгкое, что хотелось пить бульон снова и снова.

— Я на мясном бульоне сварил, — с оттенком самодовольства пояснил Ын Юль, заметив, почему тот вдруг попробовал суп. — Рамен и на воде вкусный, а уж если на бульоне — сами понимаете.

А ещё и зелёный лук, и проростки, и яйцо — сочетание просто бесподобное.

— Кимчи здесь — это финальный штрих. Так что ешьте вместе, — добавил Ын Юль.

Хан Джун сделал, как велели, и замолчал.

«Значит, ты и без денег голодаешь, и с деньгами тоже...» — подумал Ын Юль.

По его теории, вкусная еда делает человека счастливым. Если следовать этой логике, Хан Джун был ужасно несчастным человеком.

<http://bllate.org/book/14449/1277812>